

ЮРИЙ КУКЛАЧЁВ

САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ СУНДУЧОК

© НАТАЛИЯ
ВЛАДИМИРОВА

ЮРИЙ КУКЛАЧЁВ /
НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВА

САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ СУНДУЧОК

рассказы

художник
СЕРГЕЙ ДЕНИСОВ

Москва
ГППО «ДЕТСКАЯ КНИГА»
1996

11 30

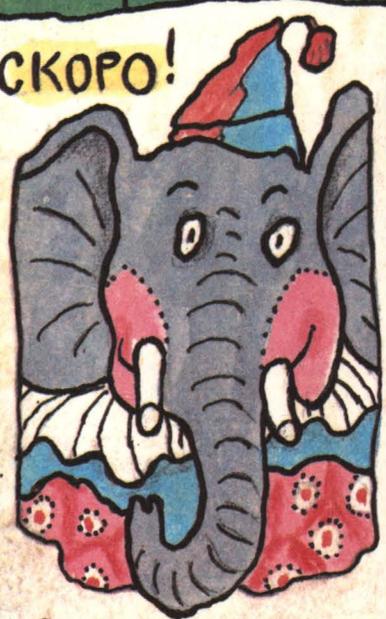

ТИГРЫ

БИЛЕТЫ

СКОРО!

Цирк

елоснежная кошка с серыми ушками и чёрным хвостом ловко запрыгнула ко мне на плечо. Она удобно устроилась, небрежно свесив задние лапки мне на грудь. Прижавшись головой к моей щеке, она запела кошачью песню: «Фр-фр-фр».

Когда-то Простокваша — так зовут эту кошку — и не предполагала, что она станет принцессой цирка.

Однажды, важно ступая, она шла по забору, на котором висели цирковые афиши. С одних афиш смотрели тигры, львы, обезьяны, на других были изображены люди, гарцующие на лошадях, жонглёры, канатоходцы.

— Ой, глядите, кошка,— сказала маленькая девочка.

— Подумаешь, мы сейчас будем тигров смотреть,— буркнул её папа и потянул девочку за собой.

А на ступеньках перед входом в цирк собирались зрители — взрослые и дети. И все поглядывали на большие уличные часы. Оставалось всего десять минут до начала представления. Толпа медленно втекала в здание. И тут произошла заминка. Никем не замеченная кошка в этот-то момент и прошмыгнула в вестибюль. Оттуда она хотела перебраться в фойе, но на её пути встала билетёрша.

«Куда? — сердито хотела сказать билетёрша и в сердцах топнуть ногой. — Брысь, окаянная!»

А получилось всё не так. У билетёрши почему-то вдруг зачесался нос. Она громко чихнула и сказала:

— Кшись, пчихаянная!

Кошка, вместо того чтобы бежать, застыла на месте. Отступить ей было некуда. Сзади напирала толпа зрителей. Кошка выгнула дугой спину, зашипела и боком, боком пошла в наступление.

Билетёрша стояла в широком проходе и загораживала его собой, словно вратарь в воротах. Чем бы закончилась эта сцена — неизвестно. Но вдруг кто-то из зрителей уронил портфель. Кошка от испуга подпрыгнула и пулей выскочила на улицу. Потом, не сбавляя скорости, она завернула за угол дома и влетела в открытую дверь.

Внутри помещения пахло опилками, старыми попонами. Запахи били в нос, опьяняли. Кошка, как вы уже догадались, оказалась в цирке, но попала в него со стороны служебного входа.

Она спокойно миновала вахтёра. А тот настолько привык к тому, что целый день мимо него ходят самые разные звери, что и внимания не обратил на кошку, только почесал затылок и подумал: «Никак учёная! Потому и пускают гулять по городу одну».

А кошка уже была далеко. Она шла мимо больших барабанов, каких-то ящиков и металлических тумб. Это был широкий коридор, где стоял реквизит и куда выходили артистические комнаты. Кое-где двери были открыты. Артисты гримировались, надевали костюмы с блёстками. Кто-то тихонько пел: «Тра-та-та, тра-та-та! Мы везём с собой кота, чирика, собаку, Петьку-забияку...»

Вдруг с гиканьем и шумом в коридор въехал отряд джигитов на вороных конях. Кошка едва увернулась из-под лошадиных копыт. Джигиты промчались, и опять наступила тишина. Кошка направилась в ту же сторону, куда поскакали всадники.

Коридор привёл её на конюшню. Там стояли клетки, в них разгуливали львы и тигры. Огромный слон обсыпал себя опилками. Конюхи расчёсывали большими расчёсками гривы лошадей.

Резкие запахи и шум не понравились кошке, и она опять побежала по коридору, но он почему-то вскоре опять привёл её к конюшне. Кошка не знала, что коридор, как баранка, — круглый. А в середине этого кольца — арена. Но тут потянуло свежим воздухом — это открыли двери в зал. Дали третий звонок.

Зрители спешили занять свои места. Оркестр начал играть весёлую

ДИРЕКТОР
ЦИРКА

ЦИРК

мелодию. В зале притушили свет. Кошка под покровом наступившей темноты спустилась по ступенькам вниз и оказалась на мягком ковре. Здесь она и решила отдохнуть от такого трудного дня.

Но не тут-то было. Вдруг помчались золотые, красные, синие, лиловые «мышки». Они летали по всему цирку. То оказывались в зрительном зале, то высоко под куполом, то пролетали совсем рядом. Кошка даже пыталась поймать одну из них, но ничего из этого не вышло.

«Мышки» куда-то улетели, зажёгся яркий свет, и... наступила тишина. Дирижёр, оборвав мелодию, замер с поднятой палочкой. Музыканты привстали от удивления. Директор цирка схватился за сердце.

Одна только билетёрша не растерялась.

— Уберите «зайца»! — пронзительно крикнула она на весь зал. При этом ворох программ вылетел из её рук.

Зрители стали ловить программки и хлопать в ладоши. Они решили, что так всё было задумано.

— Уберите «зайца»! Да что же это делается? — причитала билетёрша.

Она представила, что ждёт её в кабинете директора, и стала спускаться вниз, к манежу.

Наконец билетёрша оказалась внизу у манежа. Она уже перенесла ногу через барьер, но тут зацепилась за ковёр и растянулась в полный рост. Зал хохотал до слёз.

Билетёрша поднялась и принялась ловить кошку. Арена в цирке круглая, и получалось, что они бегают друг за другом по кругу. Но вот билетёрша скинула с себя синий форменный пиджак, изловчилась и накрыла им кошку.

«Заяц» был пойман и под бурные аплодисменты зрителей унесён за кулисы.

— Ага... — сказал директор. — Поздравляю!

Билетёрша сразу поняла, что пропала.

— Вы выпустили «подсадную утку» и сорвали парад-алле?

— Да не было никакой «утки». «Заяц», вот он, смотрите... — шмыгнула носом билетёрша.

Директор посмотрел на взъерошенную кошку и сказал:

— Мне лучше знать: «заяц» это или «утка». Я вас насквозь вижу. Вы из какого номера?

— Я у вас билетёрша... — сказала билетёрша.

При этих словах лицо директора вытянулось.

— В самом деле? Очень жаль. Какой успех, а? Ну ладно, на сегодня выговор отменяется, я сегодня добрый.

— Спасибо,— всхлипнула билетёрша.

— И без слёз, а то мы утонем. Ха! Хм, вот так билетёрша!

— А что с «уткой», ну с «зайцем», тьфу ты, с кошкой этой, куда её? — спросила билетёрша.

«Накормить. И чтобы больше ни-ни. Запрещаю, и точка»,— так хотел сказать директор. Но произнёс только:

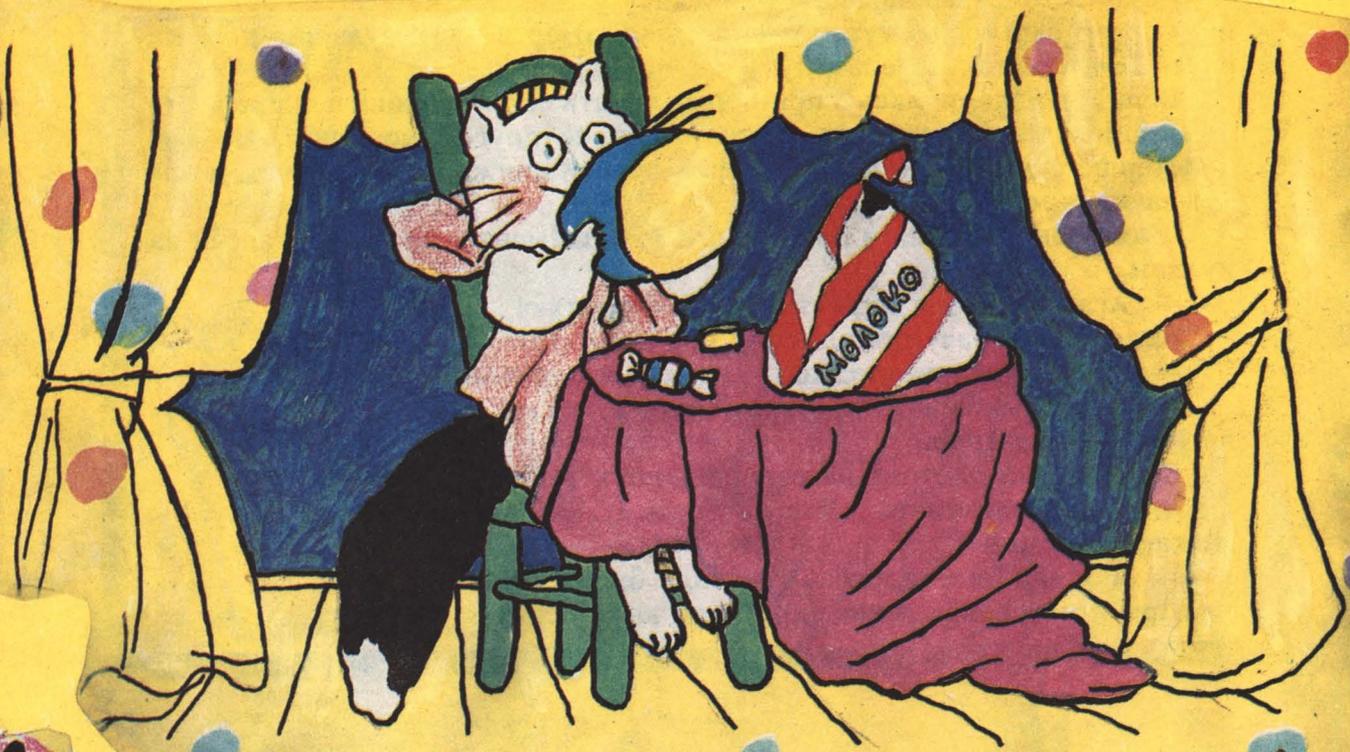
— Запрещаю и...

Получилось многоточие, целых три точки. Это значило, что директор задумался: «А правда, куда её?»

Надо сказать, что директор любил животных. И долго сердиться не умел. Он решил: раз кошка пришла в цирк сама, пусть здесь и остаётся.

— Отдайте-ка её Юре Куклачёву.— Как сказал, так и сделал.

Кошке не везло весь день. И поспать не дали, и молоко в пакете загустело. Получилась простокваша. Но она у меня в номере ела её с удовольствием. Всю мисочку вылизала. Тогда-то я и назвал её Простокваша.

еплоход «Бородин» был готов к отплытию. Он стоял у причала, похожий на многоэтажный дом. По расписанию мы должны были скоро отчаливать, на судне шли последние приготовления, вот-вот поднимут трап. Вдруг на пристань стремительно выехал грузовик и помчался к нашему теплоходу. В кузове машины лежал огромный продолговатый ящик. Шофёр дал сигнал. С корабля спустили трос, прикрепили к запоздавшему грузу и стали поднимать. Ящик был покрыт зеленоватым брезентом. Издалека на нём читалась белая надпись: «Осторожно, не кантовать!»

А с другой стороны красной краской было выведено: «Цирк». Наверное, чей-то багаж привезли. «Мой сундучок давно уже на корабле», — только и успел подумать я, как случилось следующее.

Трос, на котором поднимали ящик, вдруг застрял — ни туда ни сюда. А ящик так и остался в воздухе. Висеть ему явно не понравилось. Внутри кто-то сильно и протяжно зевнул. Потом зарычал, всё громче и страшнее. Ящик трясся, точно его лихорадило. Казалось, что великан, который в нём сидит, от страха рвётся наружу. А ящик может развалиться прямо в воздухе.

Тут с корабля по радио объявили:

«Посторонние, покиньте причал! Граждане, будьте осторожны! В клетке хищник!»

После нескольких таких объявлений раздался треск, и радио заговорило, но уже другим голосом:

«Тайфун, Тайфунчик, потерпи, голубчик!»

Это было так неожиданно, что все заулыбались. Расходиться, правда, никто не спешил. Ждали, что будет дальше.

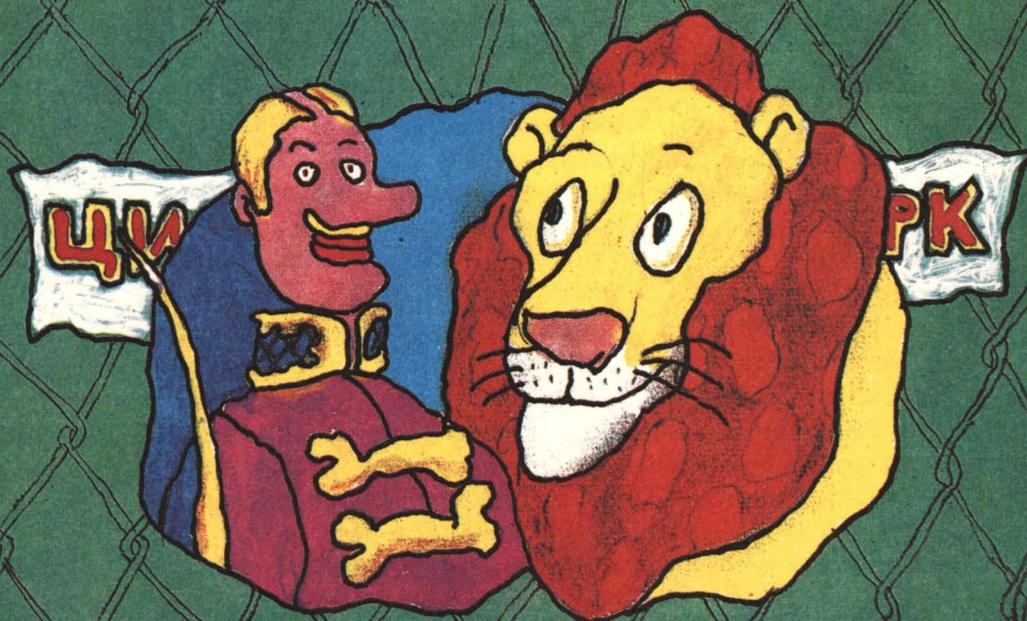
«Ну, что ты так разошёлся, безобразник,— продолжало радио.— Будь умником, посиди смиренно».

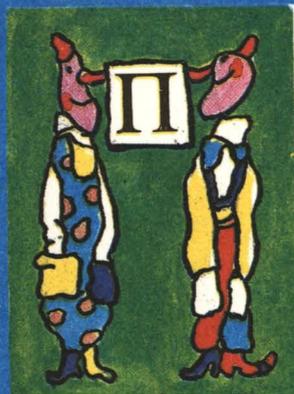
Тот, кто сидел в ящике, казалось, стал прислушиваться. Знакомый голос был совсем рядом. Он звучал ласково и спокойно.

«Вот молодец, Тайфунчик»,— подбадривало радио.

Вскоре трос распутали. Груз благополучно доставили на палубу. С ящика сняли брезент. И перед нами предстал лев. Вот кто так рычал, а теперь важно ходил в клетке. Дрессировщик стоял поодаль и любовался своим питомцем. Это он разговаривал со львом по радио. А теперь радовался, что Тайфун цел и невредим.

Лев держал себя гордо и независимо. Только к дрессировщику повернул свою великолепную голову, украшенную золотистой гривой. И глядел на него как-то совсем по-кошачьи. Если бы он замурлыкал в эту минуту, то никто бы не удивился. Но львы этого не умеют.

ослышалась команда: «Отдать швартовы!» За-работали двигатели. Корабль набирал ход. Между ним и берегом стало увеличиваться синее водное пространство. Пассажиры столпились на верхней палубе и махали своим близким и друзьям. А те что-то пытались кричать. Но звуки уже не долетали до корабля.

Фигурки провожавших постепенно уменьшались, а потом совсем слились с берегом.

— Вот и пошли во Францию, — облегчённо вздохнул кто-то рядом.

Я обернулся и увидел нашего капитана.

— Мы пошли, а вы поплыли, — сказал он. — Моряки ходят по морям — так уж заведено, а пассажиры плавают. На то они и пассажиры. А море у нас одно и корабль один. Вот какие дела. Беспokoюсь, как пройдёт это плавание.

Судно было грузовое. В каютах животные никак не уместались. Их разместили в трюме. Каждому сделали специальную выгородку. У моих кошек и собачек получилась отдельная небольшая, но достаточно просторная комнатка. В ней поставили две раскладные кровати, сверху их накрыли матрасами. Животные-то у меня — домашние. На время плавания создать привычную обстановку не так просто, как поначалу кажется. Кошек принесли в подготовленное помещение в специальном переносном домике, наподобие футляра от швейной машинки.

Я открыл дверцу. Первой вышла дымчатая кошка Килька. Скорее даже выползла, всем телом прижимаясь к полу. Шмыг — и под раскладушку. За ней серая с белой грудкой кошка Стрелка тоже с опаской выбралась из домика. Её любопытство было сильнее страха перед новой обстановкой. И то, что я был рядом, её успокоило. Она прошлась по выгородке, заглянула в самый дальний угол. Вдруг она замерла и прыгнула. Я подбежал к ней. Смотрю — уже под лапой добыча. Усатая корабельная крыса.

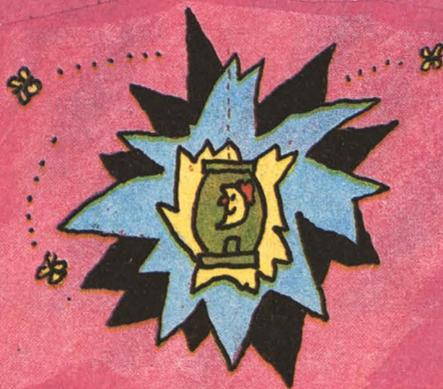
— Нам бы вашу команду, — мечтательно сказал помощник капитана (он спустился посмотреть, как мы устроились), — горя бы не знали. А то житья от них нет.

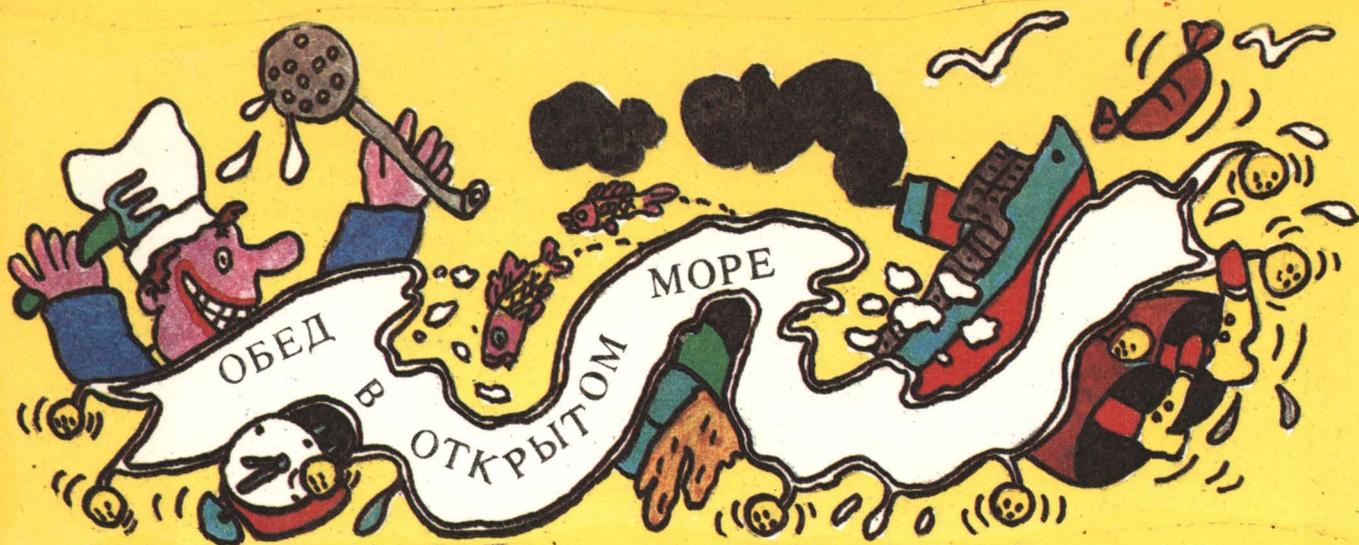
— Ничего, вот отдохнём, так и охоту на крыс устроим, — пообещал я.

Но этому, увы, сбыться не удалось. А почему, расскажу дальше. А пока все кошки выбрались из переносного домика и стали располагаться в новом для них помещении. Белая кошка с рыжим пятном на боку, прозванная за это Ромашкой, любительница поспать, тут же свернулась калачиком и заснула на раскладушке. Простокваша искала себе местечко потеплее и хотела залезть под матрас. Но, как ни старалась, не могла туда просунуть голову. Стрелка сидела и умывалась, а неподалёку разгоралась драка.

Кот Пожарник, названный так потому, что не любит запаха дыма, сцепился с котом Водолазом — любителем плавания. Пришлось растащить их в разные концы выгородки.

Наступил мир и покой. Я погасил свет. Оставил гореть только небольшой дежурный фонарь. Пусть мои питомцы отдыхают. Впереди гастроли.

а морском судне всё не так, как на берегу. Кухня вовсе не кухня, а камбуз. Повара зовут не поваром, а коротко, как хлопок в ладоши, — кок.

Хотя, конечно, и у кока есть имя. И даже такое длинное, как дядя Никифор. Но так его никто не зовёт. Кок, и всё тут. Но это за глаза. А если кому-то надо что-нибудь приготовить, так и слышится: «А вот дядя Никифор сказал» или «Вот дядя Никифор сделал», «Да вы нашего дядю Никифора спросите»...

И в самом деле, чего он только не умеет стряпать. Я сначала решил, что он всю жизнь у плиты простоял. А оказалось, дядя Никифор — моряк со стажем. Был и юнгой, и матросом, и боцманом. Отплавал своё, списался на берег. Да вот не удержался, вернулся опять на корабль. Только бескозырку сменил на поварской колпак, а поверх тельняшки и синих брюк повязал белоснежный фартук.

Перед нашим рейсом дядя Никифор всё переживал. Как тут всех накормить? Были бы пассажиры как пассажиры. А тут такие аппетиты, что не знаешь что и делать. Однако волнения его были напрасными. Провиант для львов и тигров загрузили ещё в порту. Для лошадей припасли сено, а моим домашним кошкам пришлось по душе та пища, которую готовили для команды.

Приближалось время обеда. Дядя Никифор попробовал суп в боль-

шой кастрюле и остался доволен. Вкусно получилось. Он налил мне от души полный котелок, и я отправился кормить своих друзей.

Теплоход качало. Чтобы не расплескать еду, я старался идти как можно медленнее. Трюм, куда я держал путь, находился в самом низу корабля. Пройти туда по крутым извилистым лестницам-трапам через длинный коридор, с третьего этажа судна спуститься на первый; да с такой ношей в качку...

Меня вместе с котелком начинало клонить влево, а потом, наоборот, вправо. Пол уходил из-под ног. Удержать равновесие было задачей нелёгкой.

Я помнил, что в цирке канатоходцы балансируют всем телом и ноги переставляют по одной линеечке. Боясь расплескать суп, я шёл, подражая им, и наконец оказался на нижней палубе. Потом я понял, что в качку гораздо удобнее ходить, когда ставишь ноги на ширине плеч. Поэтому у бывалых моряков походка вразвалочку.

Но тогда я этого не знал. Отдохнул немного и отправился дальше. И тут я с радостью увидел знакомый люк, который вёл в трюм. А там мои питомцы! Но что такое? Люк как люк. Дальше — лесенка. С трудом открываю дверь. Страшный шум тут же оглушил меня, словно я вошёл в клетку с хищниками. Так всё здесь скрежетало, рычало и пугало. Оказывается, по ошибке вместо трюма я попал в машинное отделение.

От неожиданности я отступил назад, споткнулся. Тут же потерял равновесие. Меня качнуло — и я кубарем полетел вниз, считая ступеньки. Хорошо, что лестница была небольшой.

Падая, я продолжал держать котелок в руках. От сильного толчка суп выплеснулся, котелок выскользнул из рук, а я приземлился прямо в лужу. Шмяк! Потрогал себя — руки, ноги целы. А мой костюм пропал. Я пытался отряхнуть с себя кусочки варёных овощей. Но тщетно. Они точно намертво вросли в него.

Когда я немного освоился со своим положением, то увидел, что я здесь не один. В машинном зале стоял моторист и трясся от смеха. Но смеха не было слышно из-за невероятного шума.

Делать нечего, кое-как я поднялся. Но тут ноги мои разъехались в разные стороны, и я снова упал. Пол превратился в настоящий каток. Я поднимался и падал. Так повторялось несколько раз, я не мог сделать ни шагу. После неудачных попыток подняться я встал на четвереньки и так добрался до двери.

Мой единственный «зритель» всё это видел. По щекам моториста текли слёзы. Так бывает, когда долго и сильно смеёшься. Но мне надо было спешить. Кошки остались без еды.

Я подобрал пустой котелок, который лежал на боку возле двери, и пошёл с ним снова наверх.

Переодеться было некогда, и мой потрепанный вид не мог не вызвать дружных улыбок тех, кто встречался на пути.

— Какой тайфун тебя потрепал? — спрашивали меня.

— Да это я своих кошек кормил, — не моргнув глазом, отвечал я.

— Ну и как твоя команда? — интересовались любопытные.

— Не знаю, что и делать. Такой аппетит разыгрался. Едят, как тигры.

Дядя Никифор, когда меня увидел, ничего не спросил. Только головой покачал, молча вылил остатки супа в пустой котелок, положил в целлофановый пакет свежих рыбёшек. Так что кошки в этот день были не обижены.

Сам я обедал последним, уплетая за обе щеки тот самый злополучный суп, и макароны по-флотски, и компот. Мне показалось, что это был самый вкусный обед в моей жизни.

орабль шёл по курсу. За ним летели чайки. Мне нравилось наблюдать за этими ловкими морскими птицами. То одна, то другая чайка вдруг стремглав падала в волны и заглатывала рыбёшку.

«Ну и зрение!» — поражался я.

Птицы были очень осторожными. Они никогда не садились на палубу. Облетев корабль, отдыхали на воде. А я всё мечтал приручить хоть одну птицу. Но ничего из этой затеи не получалось. Чайки видели меня ещё издали. Когда я оставлял на палубе кусочки хлеба, они всё равно не решались сюда опуститься. Но стоило этот корм сбросить за борт, как они с радостным криком успевали ловить его на лету. Вдруг птицы улетели.

На палубу вышли матросы. У каждого в руках была швабра. Боцман приказал им драить палубу. Я задержался. Мне было интересно посмотреть, как моют большой корабль.

Матросы встали в ряд, и швабры замелькали. «Неудобно стоять сложа руки», — подумал я и вызвался добровольцем.

Дело это оказалось нелёгким. «Драить» — действительно иным словом не назовёшь. Палуба была огромной и казалась нескончаемой. Пот катил с меня градом, как после занятий аэробикой. Но я не сдавался. В цирковом училище мой учитель дедушка Кисс говорил: «Раз не вышло — попробуй ещё раз. И так до полной победы».

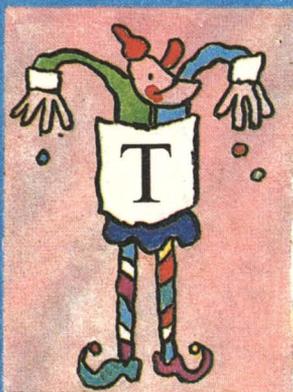
Время имеет одну особенность. То летит — не поймаешь, а то тянет-

ся, как резинка. Я еле стоял на ногах. Вдруг смотрю: палуба кончается. Матросы со мной уже по-свойски: «Да хватит, браток». А тут боцман появился:

— Отбой! Отдыхать!

Матросы-то бросились в кубрик бегом, а я с трудом побрёл по чистой, зеркальной палубе к себе в каюту. Вот, оказывается, какая большая разница между словом «мыть» и словом «драить».

еплоход «Бородин» — сухогруз. Он возил самые обычные грузы — ящики, тюки, мешки. Они спокойно лежат в трюме и ждут, когда их доставят до места. А в порту трюм опять набивают ящиками, тюками, мешками.

Наш рейс был необычным. У команды теплохода — оживление. В первый же день трюм был переименован в ЗООПАРК. Посетителей у нас было много, как в настоящем зоологическом саду. Но я хочу рассказать лишь об одном из них, о боцмане.

По кораблю он ходил важно, но от него, как ни странно, так и веяло покоем. Во всём, что бы он ни делал, была какая-то основательность, надёжность. Наши звери чувствовали приближение боцмана на расстоянии. До сих пор не могу понять, откуда им было известно, что он скоро придёт? Точно они заранее с ним об этом договаривались.

И вот он входил в трюм. Птицы хлопали крыльями. Лошади начинали радостно ржать, кланяться, пританцовывать. Одна белая лошадка даже ему улыбалась. Все животные — от тигров и львов до домашних кошек — смотрели на боцмана. А он, как фокусник, извлекал из своих глубоких карманов кусочки сахара, конфеты, печенье, бутерброды... Собачки, которых в трюме было более тридцати, устраивали концерт: тявкали на все голоса, лаяли, визжали, служили на задних лапах, хотя никто их об

этом не просил. Обезьяны били в ладоши. Маленькая макака, по кличке Самсон, высоко подпрыгивала от радости. При этом она делала такие ужимки, что мы — невольные зрители — покатывались со смеху.

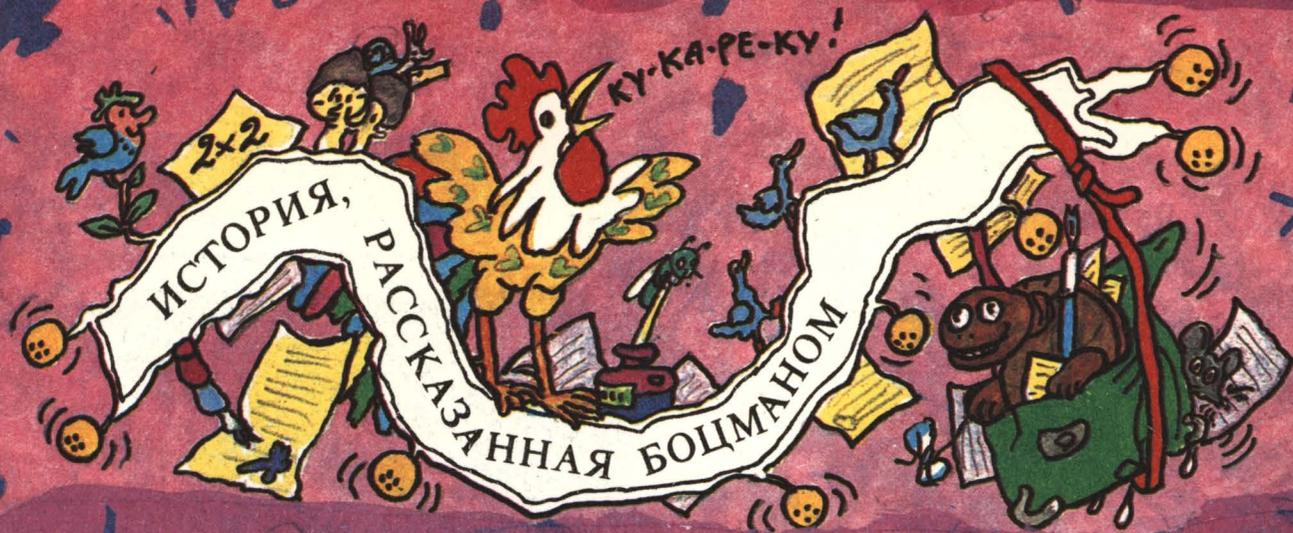
Мои питомцы тёрлись у его ног, заглядывали ему в глаза.

— Девочки, я ваш должник, — точно извинялся перед ними боцман. — Будет остановка — свежей рыбки наловлю!

Скоро карманы боцманских брюк пустели. В трюме раздавалось дружное чавканье. Но боцман уходить не спешил. Он сидел на мой сундучок и начинал рассказывать. Его голос звучал сильно и певуче и имел множество оттенков. А брови, глаза были уж точно не его. Всё лицо преобразалось незаметно в считанные секунды.

«Он мог быть актёром, — думал я. — А стал боцманом. И пожалуй, ничуть от этого не проиграл».

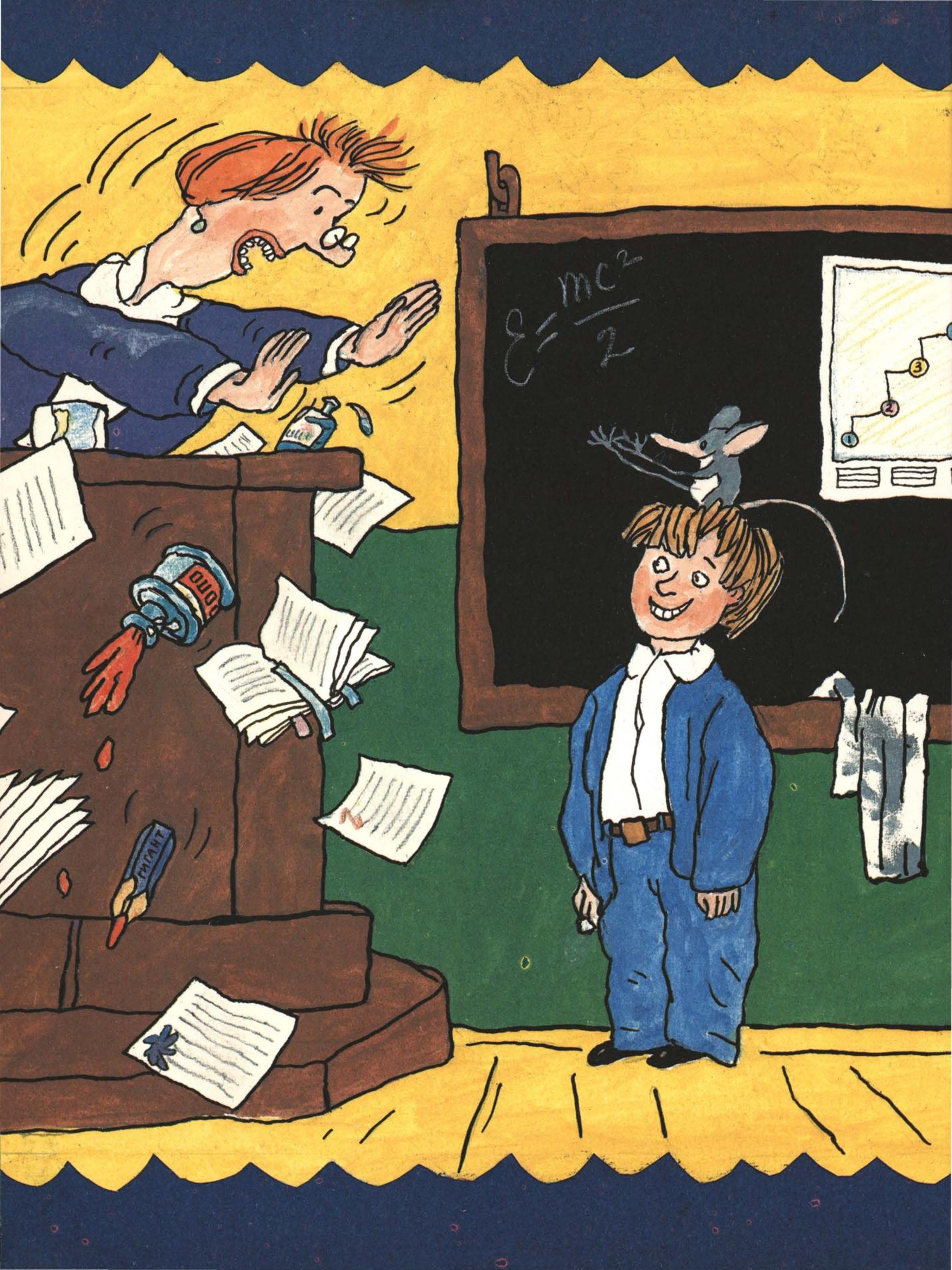
огда я был маленьким... Что, не верите? Трудно поверить. Хлопчик такой беленький, как сметанка. Иду я полем. Корову вижу или козу. Или смотрю: гуси на пруд пошли. Я — за ними. А там и утки, и столько красоты. Часами мог любоваться. Меня уже все ищут. Куда хлопчик пропал? А я оторваться не могу, точно заколдовали.

В хате у меня жили черепаха, карликовый петушок и белый мышонок. Собрался я в школу идти и думаю: «Как же они без меня одни останутся? Скучно им будет».

Беру портфель и сажаю туда черепаху Жужу, петушка Тарзана и мышонка Гришу. Вместе идём в школу. Черепаха Жужа самая воспитанная была. Глаза закрывает и тихо спит среди учебников. Тарзан — хоть и маленький, но настоящий петух. Непоседа. То ему надо есть, то наряд чистить, то кукарекать. Наша учительница думала, что я специально ей на уроках мешаю. Как крикнет, бывало:

«Горковенко! Когда «цирк» прекратишь?!»

Белый мышонок Гриша был моим любимцем. Ласковый. На плечо залезет и ухо щекочет. Но однажды и он меня подвёл. Гриша очень любил приключения. Особенно ему нравились прогулки по нашему классу. Как-то выскочил он из-под парты. А тут учительница увидела его и замерла на месте. И указка из её рук — хлоп! На пол упала.

Мышонок Гриша ничуть не испугался. Это был смелый и очень любопытный малыш. Новый предмет, который слегка блестел, показался ему интересным. И Гриша не упустил такого случая, чтобы пройтись по «бревну». Но оно почему-то постепенно всё сужалось и сужалось. Мышонок чуть не свалился.

— Дети, кто-нибудь, поднимите указку,— взмолилась учительница.

Я подошёл и нагнулся за указкой. Гриша и не думал с неё слезать. Пришлось поднять палочку вместе с мышонком. Для Гриши оказаться так высоко было всё равно, что нам подняться на башенный кран.

Но только я «поднял» стрелу у башенного крана, как мышонок съехал вниз и отправился в тоннель. Тоннелем был рукав моей куртки. Там было темно, но он смело карабкался. А мне было очень щекотно. Скоро Гриша показался у ворота куртки и пошёл завтракать — в мой карман. Там всегда лежали хлебные крошки.

И тут я рассмеялся:

— Хи-хи-хи!

А за мной весь класс:

— Ха-ха-ха!

Одна только учительница молчала. Она то краснела, то бледнела.

— Без родителей в школу лучше не приходи,— только и сказала она.

Я и не пошёл. Родители мои были в отъезде. На другой день приходит сама учительница.

— Что в школу не идёшь?

— Родителей нет,— отвечаю.

Потом мы сидели с ней, вечеряли. Говорили о разных вещах. Учительница на меня больше не сердилась. Она увидела, как дружно и весело живут у меня карликовый петушок, черепаха и мышонок. Только ходить с ними в школу запретила строго-настрою.

ано утром я спустился проведать своих питомцев. Зажёл в трюме свет и глазам не поверил. Странно: никто не бежит ко мне навстречу. Тишина.

И тут я заметил, что из-под раскладушки чей-то серый бок торчит. От кого они под кроватки попрятались? Что случилось? Нагнулся, заглянул под кровать.

Кошки сидели нахохлившись и грустно шурили глаза. У них не было сил радоваться моему приходу.

Я взял сначала на руки кота Водолаза и бережно перенёс на кровать. Потом осторожно достал Стрелку, Кильку, Ромашку, Простоквашу... и всех остальных. Налил им в миску воды и предложил лакомые кусочки рыбы. Кошки, все, как одна, отвернулись от мисок. И тут я понял: заболели.

Пришёл врач. Осмотрел животных и только руками развёл:

— Очень странная болезнь. Не было такой в моей практике.

А кошек начало рвать, белая пена у рта. Для меня кошки, как дети. Чувствую, что они могут погибнуть, и поднял на корабле тревогу.

В каюте у капитана срочно собрали совет. На него пришли все, кто мог — артисты и моряки.

— Что делать будем, программа разваливается? — волнуется наш директор.

— Кошек надо спасать, — говорил я. — Как можно быстрее...

— Двадцать лет хожу в плавание,— сказал боцман.— Были у нас на корабле собаки, попугаи, куры, даже одна овечка. Медведи и обезьяны встречались. А кошек что-то не помню.

— Может, они на кораблях дохнут,— грубовато пошутил один из матросов.

Все задумались. Нам плыть ещё неделю. Заходить в порт по пути не будем. А кошки? Что с ними за это время станет?

— Высадите нас на берег,— потребовал я.

— Мы в открытом море,— напомнил мне капитан.— Погодите, надо докопаться до причины. Чем, к примеру, кошкам не по душе наш теплоход?

— Кошка — животное домашняя,— начал боцман.— Тепло любит. Корабль, ну, чем не хата, только большая и на воде. Как-то непонятно...

— Нашёл,— вдруг перебил его тот самый матрос, любитель пошутить.— Корабль для нас дом — это правда. Но дома на берегу строят из дерева и камня. Судно — металлическое...

— Тоже открыл Америку,— прервал его боцман.— Во-первых, не положено перебивать старшего по званию, а во-вторых...

— Вы уж извините,— вмешался я.— Пусть он доскажет. Я чувствую, что здесь что-то есть.

— Я думаю, что причина в самом корабле,— вполне серьёзно продолжал этот матрос.

— Как?!— удивились все.

— Корабль,— сказал он,— сделан из металла. Внутри корабля образуется магнитное поле. Возможно, кошки очень чувствительны и воздействию магнитного поля переносят иначе, чем те же животные, которых мы перевозили раньше.

— Прямо фантастика,— сказал я.— Но это ничего не меняет. Высадите нас на берег.

— Ты что такой нетерпеливый?— остановил меня боцман.— Будем с этим полем бороться... И ещё, слышал что-нибудь про лечение медью? Кошкам надо соорудить медные ошейники, и они непременно поправятся. У меня найдутся в хозяйстве медные обрезки.

На том и порешили.

СИГНАЛ ТРЕВОГИ

очью мне не спалось. Я вышел на верхнюю палубу. Море расшаркивалось перед кораблём. Солёные брызги долетали даже сюда. Они напоминали грибной дождик, который налетит на вас неожиданно, окатит с ног до головы и умчится, чтобы уступить место теплу и солнцу.

Волны накатывали и отступали. Мы шли быстро. Справа по борту светились огоньки встречных судов. Самих кораблей не было видно. Огни двигались, манили, будто упавшие в море звёзды.

«Корабли-магниты», — подумал я грустно, вспоминая прошедший день и его события.

Море — не пустыня. Вот сколько ходит судов. Они переговариваются между собой: точка-тире-точка. Это морская азбука морзе. Когда корабль в трудном положении, с помощью точек и тире передаётся сигнал бедствия: «СОС» или «SOS». На морском языке это означает: «Спасите наши души». И все, кто находится поблизости, идут спасать команду.

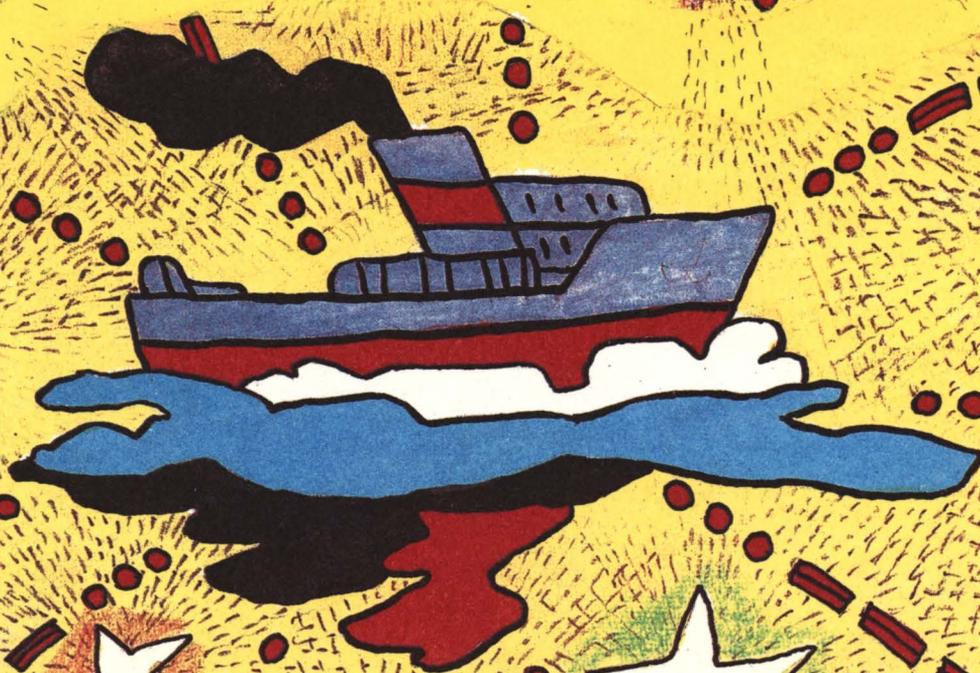
Если бы я был в силах передать такой сигнал, то изменил бы в нём одну последнюю букву. Получилось бы: «Спасите наших кошек». А сокращённо «СОК» («SOK»). Боюсь, что меня не поняли бы. «Почему «СОК»?» — спросили бы они. Да разве с помощью точек и тире всё объяснишь?

Я спустился в трюм. Зажёг свет. Картина была грустной. Нахохлившиеся кошки были похожи на кур, сидящих на насесте. Ромашка и Стрелка — большие любительницы поиграть — лежали вялые, равнодушные ко всему. Кот Водолаз закрылся лапой от света и дремал. Ему, видно, что-то снилось. Водолаз вздрагивал, и ухо его при этом дёргалось. Один Кеша бродил по трюму, с трудом передвигая лапы. По нему было видно, как животные ослабели. Кеша тыкался в стены и издавал жалобные звуки, очень похожие на слово «мама».

Как только я всё это увидел — перепугался не на шутку. И решил: была не была. Закутал Кешу в одеяло и вынес на свежий воздух. Кот зафыркал. На него попало несколько солёных капель. А потом пригрелся, задышал ровнее. Мне показалось, что ему стало легче.

Я стал по одному выносить своих питомцев на палубу. Прогулка наша была недолгой. Я боялся их застудить. Дул ночной бриз. Кошки смотрели на луну, и глаза их светились.

МЕДНЫЕ ОШЕЙНИКИ

а следующий день моим кошкам стало совсем худо. Я поспешил к боцману.

— Слушай,— сказал он мне,— сначала им хату сделаем, а потом уж за ошейники примемся.

Я его не понял и переспросил:

— А хата тут при чём?

— Притом,— ответил боцман,— ясное дело.

Я так и не понял, что он имел в виду, а боцман загадочно улыбался. Мне было не до шуток. Я спустился в трюм. Прихожу, а там уже кипит работа. Матросы стругают доски. Говорят, что боцман при-

казал. Потом и он появился.

— «Поперёд батьки в пекло не лезь», так у нас на Украине говорят. Давай присядем.

Боцману нравилось держать меня в неведении, но мне-то какво. Я обиделся на него. Правда, сделал вид, что меня это мало волнует, перекувырнулся через голову. А потом встал на руки.

— Слушай, так тебе неудобно будет,— заметил он.

— Какие пустяки,— сказал я.— Я всегда так отдыхаю.

— Ну разве ж так отдыхают?— пытался он меня вразумить.

Однако я тоже решил не уступать и выслушал рассказ боцмана до конца, стоя на голове.

оймал я в поле тушканчика и решил приручить. Смастерил клетку, посадил туда зверька. Зёрен ему насыпал, водички в блюдце налил. Вышла тушканчику квартира хоть куда. Встаю раненько, хочу узнать, как там мой новосёл? А в клетке никого нет. Тушканчик фанерный пол прогрыз и убежал.

Я туда-сюда... Слышу, кто-то шуршит в углу. А это он бегаёт, лазейку ищет. После того случая я клетку железом обил. Думаю: теперь уж никуда не денется.

Зверёк это тоже понял. Не ест день, два. Пробовал я его силой накормить. Взвыл от боли: тушканчик укусил меня за палец. Рассердился я на него:

— Ничего, есть захочешь — сам поешь.

На другой день гляжу — в клетке тихо. Тушканчик не прыгает. Лежит на спинке лапками вверх.

— Эх, сынку, сынку, — сказал мне отец. — Тебя бы самого туда посадить. Животину загубил. Чуешь?

Заплакал я и понёс тушканчика в сад. Положил на травку. Вдруг замечаю, что он шевельнулся. Потом приоткрыл один глаз. Меня заметил и тут же закрыл. Снова притворился мёртвым.

«Ну и хитрец», — подумал я.

Вынес тушканчика в степь и выпустил. С тех пор я никогда не держал животных в клетках.

Боцман кончил рассказ, и наступила пауза. Я прошёлся колесом, встал на ноги и стал трясти руку боцмана. Мы оба засмеялись. И все обиды улетучились.

Матросы уже подготовили доски и под началом боцмана стали строить дом. Сперва настелили пол, потом собрали стены. В них сделали небольшие окошки, маленькую дверцу. И про крышу не забыли. Дом получился, как игрушка: красивый, с наличниками, деревянным коньком наверху. Моряки постарались.

Для чего это строительство было нужно, я пока не понимал. Боцман мне всё объяснил:

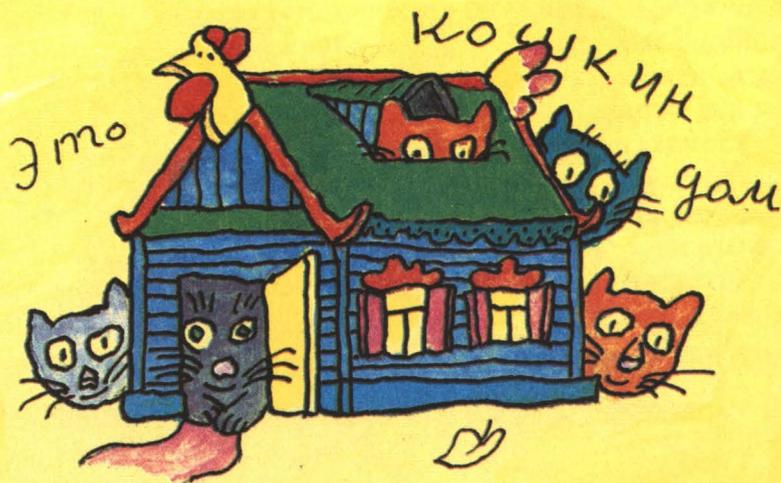
— Животным нужен такой дом, как малышам манеж. На корабле почти всё металлическое. Не будут же кошки целый день на раскладушке сидеть. Их не привяжешь. И к ошейнику кошка не приучена.

Когда изготовили из меди ошейники, пришлось повозиться. Надеть то было нелегко, а приучить кошек носить их ещё сложнее. Однако ничего не поделаешь. Ведь это только на время плавания.

Скоро кошки успокоились. Здоровье пошло на поправку. Кошки стали есть, повеселели.

Один только кот Васька — пушистый сибиряк — никак не мог привыкнуть к ошейнику. Пытаясь его скинуть, он изгибался, пятился, скрёб когтями. Точно вся его натура протестовала, рвалась на волю.

И однажды Васька исчез.

было это так. Кошки жили в своей избушке, не тужили. Я им устраивал прогулки по комнатке, выносил на палубу. Но как-то дверца в кошачьей избушке разболталась.

Наутро я обнаружил, что кошки гуляют по выгородке. Дверца избушки открыта настежь. На полу валяется ошейник, а Васьки нет. Я сразу пустился на поиски кота. Мне помогли наши цирковые артисты и члены команды, свободные от дневной вахты. Боцман разработал такой план. Один отряд во главе со мной осматривает трюм. Но могло случиться и так, что люк открывали. Поэтому другой отряд во главе с боцманом начинает искать беглеца на верхней палубе, а потом спускается по лестнице всё ниже и ниже. А мы идём навстречу и поднимаемся всё выше и выше. План был прекрасный. Теплоход вон какой большой. Полдня, наверное, понадобилось, чтобы во всех углах и закоулках посмотреть.

Наконец два отряда встретились. Ни под кроватями, ни под столами в каютах и салонах, ни в трюме, ни на палубе — нигде следов беглеца не обнаружили. Кот как сквозь землю провалился. Решили, что Васька ночью выпрыгнул за борт. Откуда коту знать, что вокруг море, а он на корабле плывёт. Все жалели Васю. И какой номер пропал...

На арену выкатывалась расписная русская печка. А на ней важно восседал большой пушистый кот.

Я объявлял: «Сейчас для вас Никита Барабулькин исполнит старинный романс «Тише, мыши, кот на крыше!» — и подносил коту микрофон.

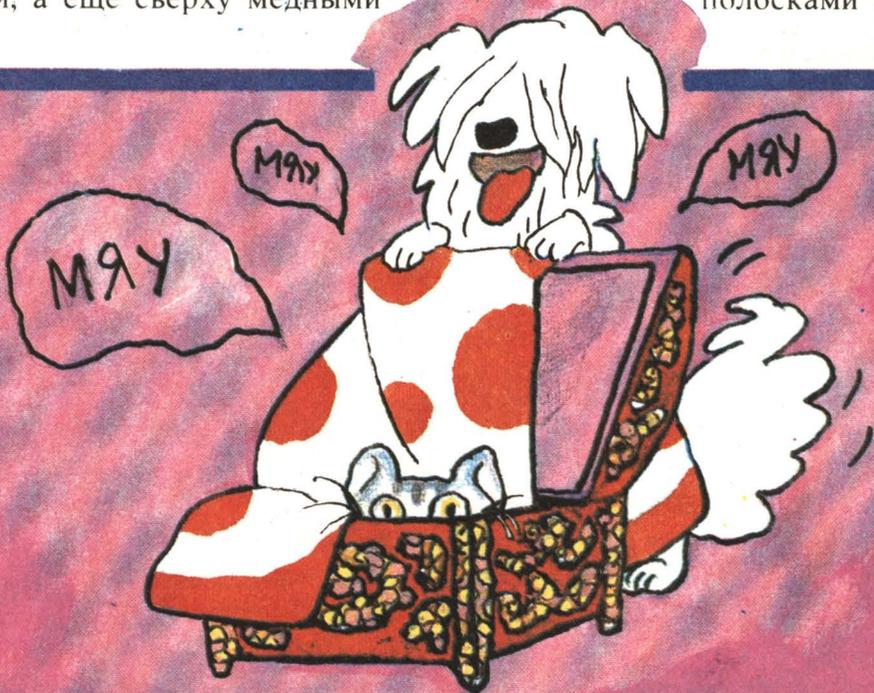
Василий (он и исполнял эту роль) начинал петь. Такой талант был, голос — чистый бас!

— Нет теперь нашего Василия,— говорю я Крокодилу. А болонка скулит и места себе не находит.

«Даже собака переживает»,— думаю я. А сам в это время сижу себе на сундучке. Крокодил вокруг меня бегает и будто глазами что-то сказать хочет, да я никак в толк не возьму что. Поднял я его на руки и только погладить собрался, как он вырвался и бегом к сундучку. Встал на задние лапки и скулит, лапами сундук царапает.

Поднял я крышку. Крокодил внутрь кинулся и давай лаять на кого-то. А сам ещё и хвостом виляет. Будто сердится и радуется одновременно.

И тут раздался кошачий голос. Ну ни с кем его не спутаешь. Неужели Васька? Я обрадовался: нашёлся беглец. Достāju кота из сундука. Он, разбойник, на моих костюмах ночевал. И как туда залез? Вот проныра. Хотел было я рассердиться: вон какой переполох этот Василий устроил. Да передумал. Сундук ведь нашего Васю сберёг. Даром что деревянный, а ещё сверху медными полосками обит.

аше путешествие на теплоходе «Бородин» подошло к концу. Пока корабль разгрузят, можно и прогуляться. Мы сошли на берег.

Как приятно было стоять на земле после долгого плавания. Французские мальчишки у причала ловили рыбу, смеялись и бросали камешки в море. Я присмотрелся повнимательней и увидел, что их игра очень напоминает нашу игру в «блинчики». Камешки прыгали по воде. От них расходились круги. А потом камешки шли на дно. У кого больше «блинчиков», тот и победитель.

Я в детстве тоже любил в эту игру играть. Подобрал плоский камешек и пустил его. Голыш прочертил в воздухе дугу и запрыгал по воде. Получилось восемь «блинчиков». Мальчишки, кажется, оценили мой бросок. И протянули ещё голыш. Я и его пустил по водной глади, но камень прыгнул всего три раза. Тогда я набрал камней и стал ими жонглировать. Мои новые друзья были в восторге. Они кричали: «Браво, месье!» — и прыгали от радости.

Мы прошлись по набережной, потом вернулись к кораблю. Похоже, что выгружать наш груз не торопились.

Портовые рабочие сидели неподалёку на гряде мешков и курили. Я подошёл к ним. Жестом изобразил, что несу чемоданы в одной и другой руке, и при этом постучал пальцем по циферблату своих наручных часов: мол, время идёт.

Они непонимающе пожали плечами и отвернулись.

Только теперь я обратил внимание на то, что сам порт точно вымер. Застыли краны, притихли корабли.

— Это забастовка,— объяснил нам помощник капитана, когда я поднялся на корабль.— Ещё два часа продлится,— добавил он с сожалением.

Когда он увидел, что я сам хочу вытаскивать багаж, грустно пошутил:

— Не трудитесь понапрасну. А то вам придётся разгружать весь корабль.

«Эх, была не была»,— подумал я. А сам решил действовать. Нельзя же так сидеть, сложа руки. Скажу вам по секрету, что надумал я устроить небольшой концерт для портовых рабочих прямо на пристани.

Кинулся к своим питомцам:

— Ну что, друзья, вот и ваше время пришло, выручайте.

Кошка Стрелка забралась ко мне на плечо и разлеглась как настоящий живой воротник. Крокодила тоже уговаривать долго не надо. Он прыгнул ко мне прямо в руки. Так с кошкой Стрелкой и собакой Крокодилем мы сошли на берег. И тут я почувствовал, что наше появление не прошло незамеченным. Мальчишки, с которыми я играл в «блинчики», мгновенно окружили меня как старого знакомого. Каждому хотелось погладить и собаку, и кошку.

Потом я жестами стал объяснять, чтобы они немного расступились. И когда получилась небольшая сценическая площадка, спустил на землю Крокодила. А он встал на задние лапки. Стрелка спрыгнула вниз сама и тоже встала на задние лапки. Я взял и подвёл её к собачке. Стрелка уцепилась за её спину, и получился «паровозик».

Гляжу я: круг зрителей стал плотнее. Это грузчики встали и подошли поближе. Мы продолжали выступать. Стрелка делала великолепные сальто-мортале. Крокодил танцевал «собачий вальс».

Я захватил с собой детский волчок. И когда Крокодил стал крутить его, держа на носу, все заулыбались.

— Ну, ладно,— сказал через переводчика старший над портовыми рабочими уже более приветливо.— Мы забастовку пораньше закончим. И корабль ваш первым разгрузим.

«Везде есть хорошие
Прошло совсем немного
как заработали краны,
ожил. Забастовка

люди»,— подумал я.
времени. И я услышал,
загудели гудки. Порт
кончилась.

РОМАШКА НА ЛУНЕ

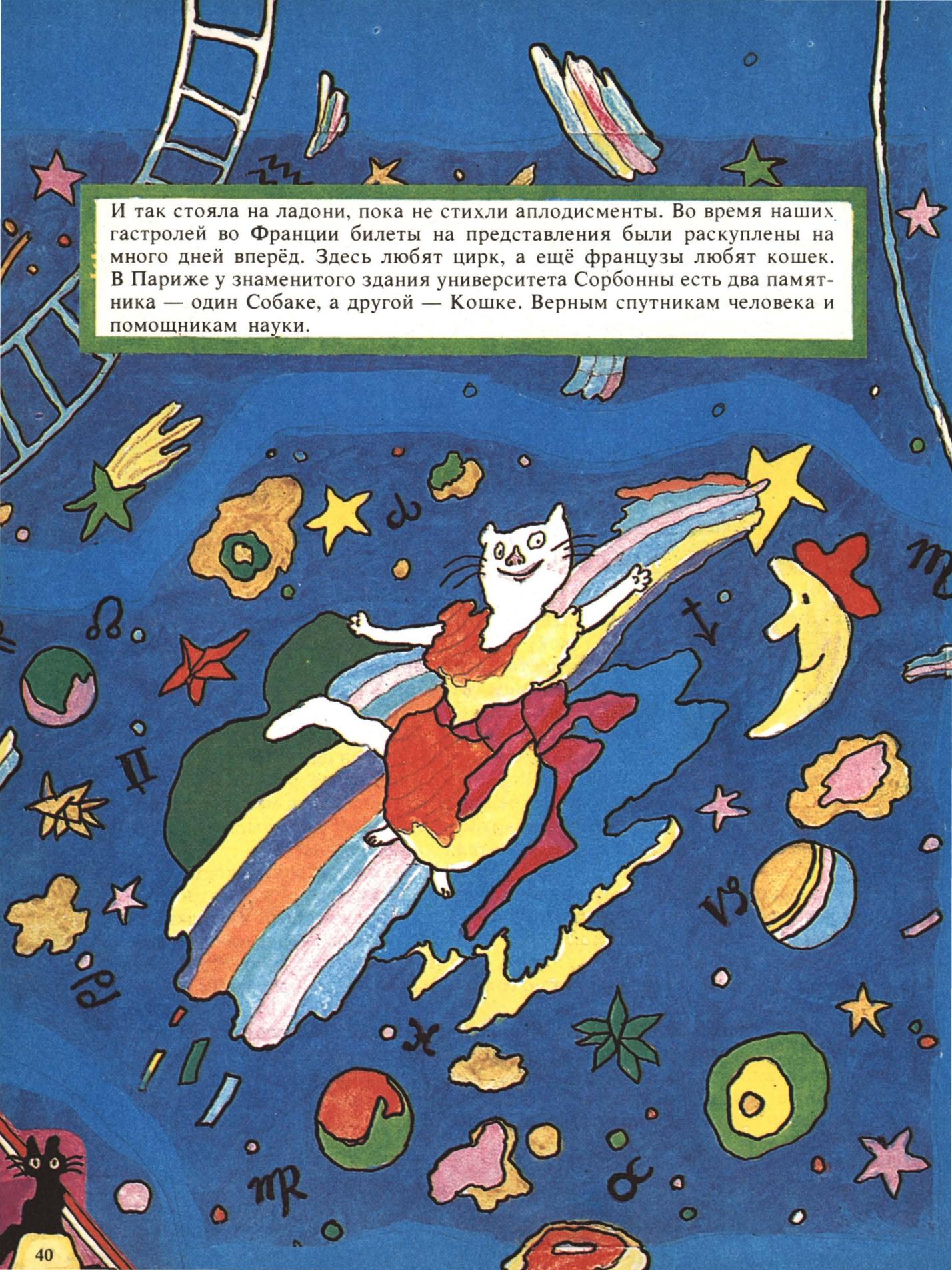
ариж встретил нас лёгким морозцем, улыбками зрителей, цветами. На представлениях советского цирка яблоку негде было упасть. Вот сколько людей хотели увидеть наших артистов.

Мои питомцы готовились к выходу на арену. Кот Водолаз радостно бултыхался в ванне. Кот Васька тщательно тёр лапкой уши, кошка Стрелка занималась маникюром — приводила в порядок свои коготки. Пёс Крокодил сушился возле рефлектора. Его ослепительно белая шерсть завилась мелкими колечками. Другие артисты были уже вымыты, причёсаны и разминались. Бегали, прыгали, катали теннисный мяч.

Объявили наш выход. Я был, как обычно, одет в белый костюм из мешковины и ехал на бабушкином сундучке. Везла его дружная «тройка» моих кошек. Помогал им верный пёс Крокодил, который подталкивал сундучок сзади. Только наша забавная группа появилась на манеже, как на нас обрушился шквал аплодисментов. Так тепло приветствовали французские зрители. Я сорвал с головы шапку и стал бросать её вверх, и ловить, и крутить на пальце.

Потом погас свет. И все увидели кошку на луне. Наша воздушная гимнастка перед гастроями долго репетировала. Ведь она совершает полёт высоко-высоко, под куполом цирка. Когда кошка Ромашка «приземлилась», а точнее, «с луны свалилась» ко мне прямо на ладонь, зрители устроили овацию. А кошка в это время сделала стойку на передних лапах.

И так стояла на ладони, пока не стихли аплодисменты. Во время наших гастролей во Франции билеты на представления были раскуплены на много дней вперёд. Здесь любят цирк, а ещё французы любят кошек. В Париже у знаменитого здания университета Сорбонны есть два памятника — один Собаке, а другой — Кошке. Верным спутникам человека и помощникам науки.

омню, в детстве я подобрал на улице котёнка. Он был рыжий, полосатый и очень пушистый. Котёнок так орал, что все прохожие оборачивались. Но люди почему-то проходили мимо котёнка, и я решил, что он просто потерялся. Котёнку было недели две.

«Такой малыш,— думал я.— Его ведь каждый может обидеть. И наверное, очень голодный».

У меня в кармане лежала конфетка-леденец. Утром мне её дала мама. Долго не раздумывая, я протянул своё сокровище котёнку. Он понюхал конфету и решил, что я с ним играю. Поддел её лапкой, и конфета полетела в снег.

— Ты бы ему, мальчик, лучше молока дал,— сказала мне старушка, которая проходила мимо.

«И то правда,— подумал я.— Уже пора домой».

Я шёл такой счастливый, у меня появился новый друг! Мы с ним будем вместе играть и никогда не расстанемся.

Моя бабушка не любила кошек. Она считала, что от них одно беспокойство и грязь. Я ничего про это не знал. И когда показал дома свою находку, мне почудилось, что над нами нависла грозная туча.

— Отнеси туда, где взял,— сурово сказала бабушка.— И немедленно.

Папа не решался с ней спорить и поэтому молчал. И только мама была на моей стороне.

— Мама, ну кому он помешает? — сказала она. — Пусть поживёт у нас пока. Он такой славный.

Котёнок точно понимал, что решается его судьба. Забился под мою куртку с головой. Я заглянул туда: интересно, что он делает? Два глаза мерцали в темноте, как два светляка. А маленькие лапки выпустили свои коготочки.

Бабушка не любила, когда с ней спорили.

— Или я, или он, — сказала она. — А то завтра уезжаю в деревню.

— Да что вы, мама? — испугалась моя мама.

Она стала её успокаивать. Я вот-вот готов был заплакать. Я очень любил бабушку и вовсе не хотел её терять. Но котёнка тоже было жалко. Он ведь погибнет зимой.

Так мы и стояли — я, мама и бабушка — в коридоре у вешалки. А тут раздался звонок. Это пришёл папа. Мы и не заметили, как он уходил. Папа просто сиял:

— Неси скорее, Юра, его соседям. Им как раз кошка нужна.

Бабушка молча удалилась к себе в комнату. А я, ещё не дослушав, закричал «Ура!» так громко, что котёнок выглянул из моей куртки.

Котёнок стал жить у наших соседей по лестничной площадке. Но я считал его своим. И имя ему дал весёлое и звонкое — Чиполлино. Котёнок каждый день приходил к нам погостить. Пробежит по балкону, влетит в комнату и давай гонять теннисный мяч. Так обводит лапкой — прямо прирождённый футболист. А то и гол забьёт под шкаф.

Надоест котёнку эта игра, прыгнет он ко мне на ногу. Оттолкнётся и сделает сальто. Или уляжется на полу, чтоб я ему животик почесал.

А бабушку увидит — шмыг под гардероб и тихо-тихо сидит. Уйдёт она на кухню, он тут как тут. Вскочит в любимое бабушкино кресло и давай когти точить. Треск на всю квартиру.

Соседи тоже высказывали своё недовольство:

— Странный какой-то котёнок. Днём спит, а ночью носится как угорелый. Никому покоя не даёт. Может, заберёте назад?

Не знаю, чем бы дело кончилось? Но однажды котёнок охотился за мухой. Она была хитрой и не давалась. Муха летала из комнаты в кухню и жужжала. Котёнок бегал за ней изо всех сил. Наконец муха села на банку с вареньем. Варенье стояло на столе, и котёнок туда полез. Зацепился за скатерть, и всё с шумом и грохотом свалилось на пол. Посуда

разбилась, варенье пролилось. Малиновый котёнок закричал от боли: вода из горячего чайника обварила ему лапки.

Дома была одна бабушка. Она услышала крик и шум и вбежала на кухню. Несчастный Чиполлино лизал свои лапки и постанывал. Бабушка словно забыла, что перед ней её смертельный враг. Женщина она была добрая и заботливая. Бабушка принесла свою мазь «от всех болезней». Делала она её из цветов и трав. Смазала ею кошачьи лапки, перевязала чистой тряпицей и положила больного малыша на своё любимое кресло.

Бабушка поила котёнка тёплым молоком, меняла повязки, терпеливо выхаживала. А как только Чиполлино поправился, стал он ходить следом за бабушкой.

Она в комнату, и он туда, она на кухню, и он за ней. Да и сама бабушка к котёнку привязалась. Так Чиполлино остался у нас.

тех пор как у нас появился Чиполлино и потом, когда у меня были другие животные — кошки, собаки, — я не переставал задумываться: «Откуда всё-таки берутся бездомные звери?» Теряются случайно? Или мальчик или девочка однажды захотели завести себе щенка, а может быть, котёнка. Поиграли и бросили. И даже не подумали, как страшно, когда нет своего дома, когда нечего есть и приходится скитаться. Во Франции я видел клошаров. Так называют людей, которые живут под открытым небом. Они ночуют прямо на скамейках в парках.

В Париже зимы обычно тёплые, а эта была лютой. Морозы доходили до -15 градусов. Бездомные клошары замерзали и погибали на улицах. Их некому было оплакивать, некому хоронить. Вспоминаю всё это, и не по себе становится. Точно кошмарный сон увидел. А вокруг тоже люди живут.

И тогда я вспомнил паучью ловушку, которую увидел в самый первый день нашего приезда. Я шёл по набережной, засаженной красивыми кустарниками. И вдруг остановился как вкопанный. Увидел огромную паутину. Такой я ещё никогда не встречал. Многоугольники от самого большого до самого маленького были вписаны один в другой. Их скрепляли тончайшие нити, расходившиеся, как лучи. Сооружение это было шедевром архитектуры — красивое и прочное.

На моих глазах в паутину попала оса. Я стал за ней наблюдать. Мне почему-то казалось, что для осы это препятствие пустяковое.

Однако события развернулись иначе. Паутина качалась из стороны в сторону. Тонкая сеть пружинила, но не поддавалась.

Пленница подпрыгивала, как гимнастка в цирке. И чем сильнее она стремилась на волю, тем больше запутывалась. Оса зажужжала и сделала такой отчаянный манёвр. У лётчиков он называется «мёртвая петля». Вниз головой оса устремила к краю паутины.

Вот тут откуда-то появился маленький паучок. Он крутил головой, делал лапками таинственные пассы и всё кружил и кружил возле осы. Она уже не жужжала и не шевелилась.

Паучок скинул со своей пленницы сеть. Всего одним движением. Подхватил то, что было осой, и деловито потащил в своё гнездо.

Как несправедливо. Неказистый паучок погубил такое красивое и сильное насекомое. Я протянул руку, и паутина повисла на пальце.

Будет тебе работы, злой паук, пока новую ловушку построишь.

Париже у меня появилось много друзей. Они приходили за кулисы. Частыми гостями были журналисты, любители цирка. И среди них выделялась весёлая тётушка Жаклин. Она ласково трепала наших кошек по головке, а те всё норовили с ней поиграть. Тётушка Жаклин умела удивляться и радоваться всему, как это умеют только дети. Даже солнечному лучику.

Наша гостя очень любила цирк и особенно выступления дрессированных животных. С необыкновенной нежностью она относилась к домашним кошкам. И на это была серьёзная причина.

Однажды тётушка Жаклин рассказала мне одну историю.

родилась в тот день, когда погиб любимый кот моей мамы. Его звали Жак. Потому мне и дали имя Жаклин.

Кот жил в нашей семье долгие годы. Он был её частью. Как все кошки, считал себя полноправным хозяином дома и, конечно, любимцем. Мама и правда в нём души не чаяла.

Но шли годы, у мамы появился жених. Этого человека звали Пьер. Кот Жак сразу невзлюбил его. Может, почувствовал, что мама, принимая гостя, стала к своему любимцу менее внимательной. А может, ещё что... Молока, например, вовремя не налили.

В общем, кот Жак всем своим видом презирал Пьера и не раз пускался на такие шалости. Только Пьер собирается закурить, ищет везде свои сигареты, а они уже валяются разорванные на мелкие кусочки. Пьер надевает ботинки, а они насквозь мокрые. Приходилось гостю предусмотрительно подвешивать ботинки к вешалке за шнурки. А кот и тут не успокаивался. Прыгнет на вешалку и давай драть шнурки.

Пьер всё это терпел. Знал, что мама никогда своего любимца не наказывала. А когда они с мамой поженились, Пьер поселился у нас в доме. Кот Жак, видно, понял, что деваться некуда, и, казалось, смирился с этим. Пьера он просто не замечал. Так они и жили втроём: мама, Пьер и кот Жак.

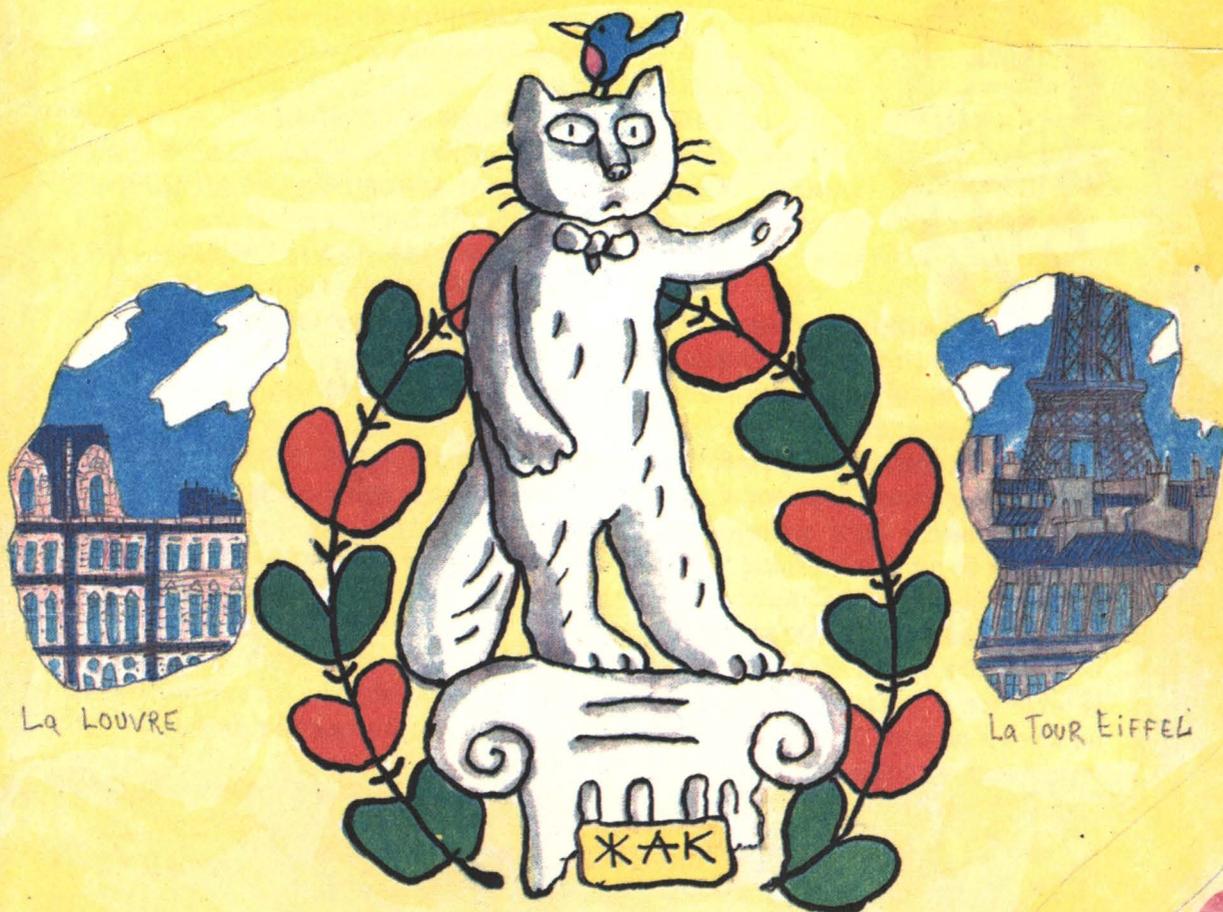
Однажды мама тяжело заболела. Врачи сказали, что её положение

безнадёжно. Коту Жаку запретили входить в мамину комнату, и он жалобно мяукал у двери.

Жак видел и другое. Пьер бросил работу, чтобы ухаживать за больной мамой. Всё хозяйство он взял на себя. А от маминой кровати не отходил ни днём, ни ночью. Наконец маме стало лучше, и однажды она встала. Видимо, врачи ошиблись, а может, она победила болезнь благодаря такой заботе Пьера. В этот день кота Жака пустили в комнату. Он бросился к маме и радостно замурлыкал у неё на руках. А когда вошёл Пьер, кот прыгнул к нему на колени и свернулся клубочком.

Кот Жак жил в нашей семье долгие годы. От старости он заболел. Кота не стало в тот день, когда на свет появилась я, Жаклин.

днажды тётушка Жаклин пришла к нам в артистическую очень взволнованная.

— Что-нибудь случилось? — спросил я её через переводчика.

Но она сразу не могла и слова сказать. А только рукой показала на столик, где стояла минеральная вода. Я быстро ей налил стаканчик, из которого она стала пить крупными глотками.

Я понял, что произошло что-то важное. Но не смел больше спрашивать нашу гостью. Решил, что ей надо прийти в себя, а потом она сама расскажет. Если, конечно, захочет.

Тётушка Жаклин поставила пустой стакан на столик и удобно расположилась в кресле:

— Мы, французы, говорим так: «Кто не рискует, тот ничего не теряет». Но мы знаем и другую поговорку: «И на солнце есть пятна». Вообще-то поговорки моя маленькая слабость.

И не буду вас больше томить, друзья мои. Я только что с набережной Сены. Обожаю любоваться восходами и закатами. Смотреть на рыбаков, прогуливающих людей. Да и воздух у воды гораздо полезнее.

Так вот, иду я, как обычно, своим маршрутом, не спеша. Уже вечереет. И что же я слышу? Кошка пищит. Да так истошно, жалобно, будто её на куски режут. Я забыла про все закаты и стала искать обидчика, чтобы, пока не поздно, вмешаться. И что вы думаете? Никого не нашла. Ни чело-

века, ни кошки. А та всё надрывается. И будто бы звук этот из вишнёвого «ситроена» идёт. Я заглянула под машину — нет никого. В салоне тоже. И тут я поняла: кошка залезла прямо под капот машины.

Наверное, автомобиль ремонтировали. Она и проникла туда в поисках тепла. Мотор — чем не печка? А теперь кошка хочет выбраться, да не может. А как мне ей помочь? Если хозяин «ситроена» ни сегодня, ни завтра не придёт? Или вообще уехал? Что тогда? Вон мороз усиливается.

Капот чужой машины без хозяев мне не открыть. А вот полиция всё может. Я взяла и вызвала полицию. Пришлось, конечно, заплатить за этот вызов. Но зато полицейский открыл капот машины и достал оттуда чумазого-пречумазого котёнка.

«Держите свою кошку, мадам», — безгловно сказал полицейский.

«Да она вовсе не моя», — ответила ему я.

«Но не везти же её в полицейский участок», — резонно заметил он. — Лучше уж бросьте в Сену».

Я на него очень за это рассердилась. Такой бестолковый полицейский. Стоило спасти животное от гибели, чтобы потом просто утопить.

Я ему ничего больше не сказала. Достала белоснежный носовой платок, завернула в него чумазого котёнка и отвезла домой. Мыла часа два, пока всё машинное масло не отошло. И он из чёрного, липкого превратился в палевого. Теперь не знаю, что и делать. Придётся брать его себе. Как вот только назвать? Может, Кадо? Мой палевый Кадо. Кажется, красиво звучит. Хотя потом я у него нашла два тёмных пятна. Я же говорила, что и на солнце есть пятна.

Мы сидели за кулисами. Тётушка Жаклин всё восхищалась своим Кадо. Своим ненаглядным Кадо. А я был ужасно рад, что произошло событие не грустное, а, наоборот, радостное и для самой тётушки Жаклин, да и для того чумазого Кадо, искавшего тепло в капоте машины и нашедшего приют в её доме. А что по-французски значит Кадо, я узнал уже потом, когда вернулся с гастролей. Кадо — это подарок. А для тётушки Жаклин он стал подарком судьбы.

аша цирковая программа состояла из двух отделений. Между ними был антракт — перерыв, когда можно пойти в буфет и съесть мороженое или бутерброд или газировки выпить.

Но кто остался в зале, наверное, скучает. Вот я и подумал устроить для них другой антракт. Антракт, где весело и интересно. На другой день только закончилось первое отделение нашей программы, мои помощники клоуны вынесли на арену высокие подставки с рамками наверху. Установили их в манеже. На минутку мы погасили свет. А когда зажгли, то все увидели, что там сидят кошки. Пёстрые, пятнистые, полосатые, гладкошёрстные, пушистые. Это была настоящая выставка кошек разных пород. Была там одна кошка, похожая на собачек породы хин. Её мне подарили на гастролях в Японии.

Кот Васька представлял нашу сибирскую породу. Сидели на рамках и другие мои артисты и артистки. Надо вам сказать, что все они помеси. Это самые обычные кошки, которые попали ко мне разными путями. Простокваша сама в цирк пришла, Стрелку мне подарили, а Ромашка до этого жила в парикмахерской.

Вот как это было. Пошёл я однажды стричься. Посадили меня в кожаное вертящееся кресло, намочили голову и только ножницы приготовили... И тут как вихрь промчался. Всё, что лежало на туалетном столике —

мыло, расчёски, бритва, фен, — полетело на пол. Вместо своего отражения в зеркале я увидел мохнатую, усатую физиономию с вытаращенными зелёными глазами. Другой бы на моём месте просто испугался, но я пригляделся внимательней и увидел белую кошку с рыжим пятном на спине. Сидит она и, как говорят, «в ус не дуёт».

Парикмахер, пожилая женщина, стала извиняться.

— А хозяйева у неё есть? — спросил я.

— Да ничья, приبلудная, — ответила она. — Кормится тут.

Я и сам это понял. Окраска кошки мне приглянулась. Дело в том, что белый и рыжий цвета хорошо смотрятся в луче прожектора. Возьму её, может, будет толк. Кошка «думала» по-другому. Она хоть и кормилась в парикмахерской, но была дикаркой. Начала скакать по креслам, по столикам. Смотрелась во все зеркала. Наконец мы её поймали.

Дома Ромашка — так назвал я её — обнюхала все углы и заснула на моей подушке. День ото дня она всё меньше дичилась, привыкала. Много времени прошло, пока она стала полностью доверять мне. Вот тогда мы и стали репетировать.

Ромашка училась делать стойку на передних лапах. Она оказалась способной гимнасткой. Хорошо делала сальто-мортале, вставала на задние лапки. Но стойка на передних лапах у неё никак не выходила, как мы ни бились. После очередной неудачи Ромашка подбегала ко мне и тёрлась у ног, точно извинялась. А я решил уже бросить эту затею.

— Попробуем последний разок, — сказал я Ромашке.

И вдруг она сделала прекрасную стойку на передних лапах. Это была победа. На следующих репетициях мы закрепили этот трюк. Дальше стали его усложнять. Вскоре Ромашка могла стоять в таком положении где угодно. Даже на моей ладони.

Но один трюк, это ещё не номер. Я мечтал сделать воздушный полёт. Ромашка будет летать под куполом цирка. И снова начались репетиции. Серп луны, где сидела кошка, поднимали день за днём всё выше и выше, пока Ромашка не привыкла к нужной высоте. Потом надо было соединить полёт под куполом цирка и стойку на ладони.

И вот наступил тот день, когда Ромашка стала «звездой». Она летала в вышине, как настоящая воздушная гимнастка. Вместе со мной она выступала в разных городах и странах. И теперь — Париж. Наши гастроли проходили хорошо. Каждый день Ромашка совершала полёты на луну, и зрители награждали её аплодисментами.

Но как-то я увидел, что с кошкой творится неладное. Показал её врачу. Оказалось, что нужна срочная операция. Лучшие французские врачи делали её. А я стоял за дверью и ждал, что скажут.

— Всё будет хорошо, — успокоили меня.

Я был так взволнован, что с трудом отыграл представление. Впервые Ромашку заменяла её дублёрша. Это была Простокваша. Бедная Ромашка лежала за кулисами вся забинтованная. К вечеру она проснулась от долгого сна и открыла глаза. Мне показалось, что, может, всё обойдётся. Действительно, шли дни, и раны стали заживать. Услышав знакомую музыку, Ромашка приподнимала голову и смотрела туда, где арена. Но встать она ещё не могла. Лапки были слабые и её не держали.

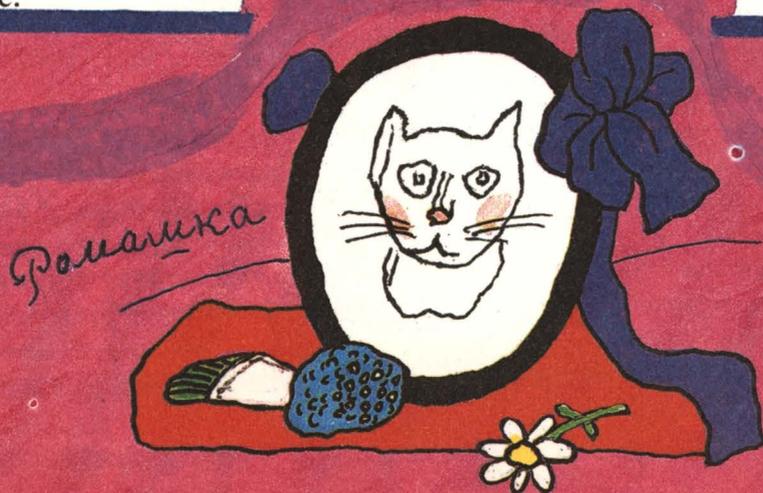
Шли дни, и Ромашка стала вставать, немного передвигаться. Наш врач поговаривал о том, что пора снимать швы. Наконец настал тот день, когда Ромашку разбинтовали, скобки сняли.

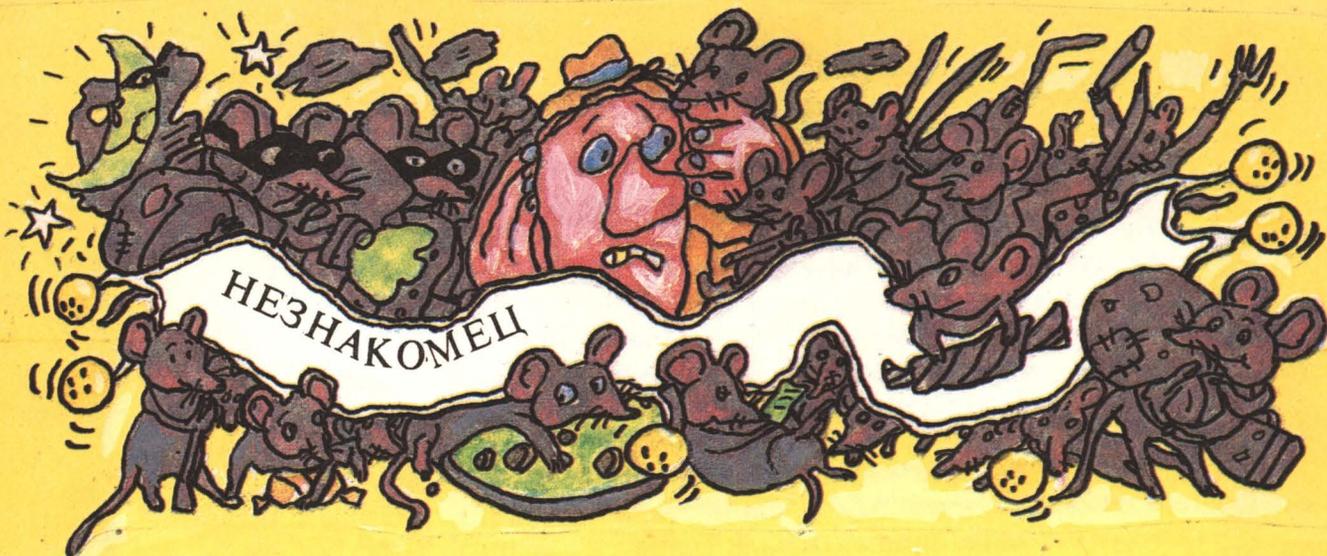
На арене заиграла музыка, и я должен был бежать. Наступил мой выход. Прихожу назад — нет Ромашки. А по полу странный след тянется.

Я нашёл её в коридоре в ужасном состоянии. Швы разошлись. Подобрал, завернул в одеяло и скорей в больницу.

Уже было поздно. Не было слов, чтобы описать моё горе. Я потерял своего друга, партнёра, нежное и ласковое, преданное существо. До сих пор не знаю, почему она отправилась в коридор. То ли предчувствовала свою гибель и ушла, как это делают её дикие собратья? Но мне кажется, вернее второе. Её позвала за собой музыка, и она из последних сил рвалась на арену. Дублёрша Простокваша стала выступать вместо неё. А зрители, может, ничего и не заметили. Но я всегда буду помнить свою Белую кошку с рыжим пятном на спине.

Ромашку.
пятном

днажды после очередного представления к нам зашёл невысокий, коренастый человечек. Он долго жал мне руку, что-то восхищённо говорил. Но в этот момент не было переводчика. Я, как ни старался, не мог его понять. Мой гость что-то всё хотел мне втолковать, да ничего не получалось. Наконец пришёл переводчик, и всё объяснилось.

Это был хозяин парижского магазина. Он случайно попал в цирк и остался очень доволен представлением. Больше всего его потрясли мои кошки. И то, как они слушаются, и то, что их здесь целая труппа.

Через переводчика директор стал меня умолять спасти его магазин.

— Ваши кошки, если их пустить туда хотя бы на одну ночь, сделают доброе дело. Уничтожат всех мышей, которые портят мой товар. О, месье, спасите меня от разорения!— просил директор.

— Рад бы, да не могу всех кошек отдать.— объяснил я.— Ловить мышей — это для кошки как на работу сходить. Потом им отдых нужен. А мы сюда приехали на гастроли. Да и билеты уже вперёд на месяц раскуплены. Представлений наших ждут каждый день. Как же вам помочь?

И тут я сообразил, что мы взяли с собой новую молодую кошку. Она ещё только начала репетировать и не занята в программе. Да и до мышек она большая охотница.

— Ладно, выручим,— сказал я директору магазина.— Вот вам кошечка. Пусть недельку поживёт да и службу сослужит.

Директор магазина посадил её в портфель и был таков. Проходит неделя. Смотрю, он тут как тут. А кошку не принёс, просит её ещё на неделю оставить.

А через две недели идёт он с огромной коробкой, разноцветными лентами перевязанной. Развязывает их сам, а там на бархатной подушечке лежит моя кошка. Дремлет — так утомилась от большой охоты.

— Ну, как дела?— спрашиваю я гостя.

— Bravo, Наполеон!— отвечает тот.— Этот ваш кот ну прямо настоящий полководец. Все мышинные полки рядами уложил. Он их правда почему-то не ест, а всё мне приносит. Два дня я был в отъезде. Так он мою жену ужас как перепугал. Она мышей боится, а кот мышь поймает и ей тащит. Точно показать хочет: мол, без дела не сижу. Гляди, хозяйка... Та же, как серую мышку увидит, так бежать. Наполеон — за ней. Жена на стол, Наполеон следом. Жена чуть ли не на шкафу от него спасается. Хорошо, я вскоре приехал. Теперь у нас нет мышей. И товар в целости. Bravo коту Наполеону! Так мы его с женой прозвали.

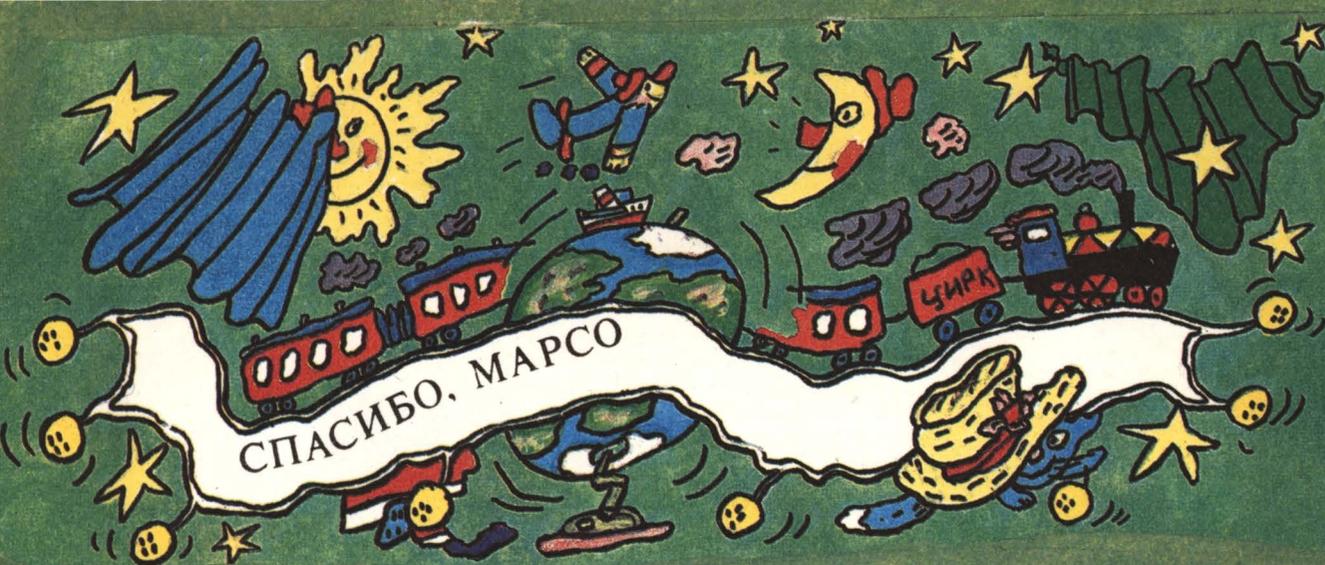
— Да это же кошка Мурка была,— сказал я.

— Вот это да!— удивился хозяин магазина.— Извините.

— Да кошки лучше котов мышей ловят, давно известно,— объяснил я ему,— а раз она отлично со своим делом справилась, пусть будет Наполеонкой. Так своей жене и передайте.

С тех пор и мы стали нашу кошку звать не Муркой, а Наполеонкой. Да она и отзывается на новую кличку лучше. Видно, уже привыкла.

грает весёлая музыка. Артисты идут на поклонны. Французские зрители никак не отпускают. И вот я в хорошем настроении, пританцовывая, бегу за кулисы. Открываю дверь в артистическую и глазам своим не верю. Может, это сон? Даже себя за кончик уха ущипнул. Ой, как больно! Но нет, всё так и осталось на своих местах. Значит, я не сплю.

А там на банкетке сидит Марсель Марсо — великий французский мим. Он не раз приезжал на гастроли в нашу страну, и я видел его первоклассную работу. Марсо — самый популярный француз. Любовь публики к нему огромна. Его знают и почитают во всём мире, называя «поэтом тишины», «чародеем молчания».

Быть знакомым с таким мастером большая честь. Я мечтал об этом, и мечта моя сбылась здесь, в Париже. Он так запросто зашёл ко мне и сидел на банкетке, что я даже вначале растерялся. Но через минуту мы уже оживлённо беседовали. Он не знал русского, а я не знал французского языка. Нам помогал переводчик, но и без переводчика мы отлично поняли бы друг друга. Марсо в жизни тоже был немногословен. Зато мог изобразить жестами, мимикой всё что угодно.

Мои репризы сродни искусству пластики, они тоже без слов. Зато на любом языке понятна сценка с котелком, куда спряталась озорная кошка, и сценка с убегающей шляпой, которую я достаю с высокой берёзки.

Так же и нам без переводчика понятны работы Марселя Марсо. Он выходит в роли Бипа. Бип «рассказывает» об укротителе, о няньке, о бродячем акробате... Но мне всего дороже его спектакль «Маленький цирк».

Так вышло, Марсо в этот памятный парижский вечер был моим дорогим гостем, а я в свою очередь был гостем его удивительной страны.

Настала пора прощаться. Сундучок мой опять в пути. Летит на новые гастроли, плывёт на кораблях, едет на поездах. А я следом за ним с моими друзьями: собакой Крокодилом, котами Васькой, Кешей, Водолазом, Пожарником, кошками Стрелкой, Простоквашей, Наполеонкой...

Что такое гастроли? Это дороги, другие города и страны, встречи со зрителями... Это новые истории, которые ещё не случились. А те, которые уже с нами были, рассказаны в этой книге.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Ларююю

2. Воздушный гимнаст

1. Клоун

3. фокусник

← хвост

Алле!

ЖО Нзлёр

дрессировщик

ПИСАТЕЛЬ

ПРО-ГРАММ А

Юрий Куклачев
Наталья Владимирова

САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ СУНДУЧОК

Ответственный за выпуск Б. Святлов. Подписано в печать 09.08.93. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Бум. офс. № 1. Тираж 20 000 экз. Заказ № 8531. С 01. ЛР № 010175 от 23.01.92. Ордена Трудового Красного Знамени ГППО «Детская книга» Роскомпечати. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.